

ТВОРЧЕСТВО

Книжная полка

Под сенью Вечно Синего Неба

Поэма Виктора Слипенчука «Чингис-хан» – грандиозная эпопея о жизни легендарного правителя

Илья Пашенко

«Свою смелость
объясняю службой
в армии...»

Стремление к осмыслению собственного исторического прошлого – один из первейших признаков зрелости любой национальной литературы. Подступаясь к тайнам седой древности, писатели нередко опережают даже самые значительные достижения современной им исторической науки, и случается это, надо полагать, в первую очередь из-за наличия в их арсенале действенного и надежного приумелем использовании инструмента – художественной гипотезы, которую мы порой называем предвидением. Но если прозорливость в отношении будущего уже стала для нас едва ли не мерилом значимости и востребованности творческого наследия того или иного писателя, то вот слова «предугадать прошлое» все еще кажутся сущей бессмыслицей, махровым оксюморонам. В самом деле, зачем предугадывать то, что уже давно выявлено и утверждено исследователями как непререкаемая истина? Резонно, но если обратиться к примерам, благо что их немало, сами собой напрашиваются вопросы другого плана.

Разве не писатель Ильяс Есенберлин своей трилогией «Кочевники» фактически вернул казахскому народу пятивековую историю Великой степи? Разве не писатель Вальтер Скотт так умело реконструировал в своих романах прошлое шотландцев, что много лет спустя его книги ценились исследователями (здесь мы сошлемся на Фридриха Энгельса) превыше иных многопудовых монографий? Разве не писатель Вячеслав Шипков раскрыл личность и деяния вождя крестьянской волиницы Емельяна Пугачева так, как не удавалось это сделать никому из профессиональных историков? И всюду мы наблюдаем силу той самой художественной гипотезы, о которой писалось выше. С ее помощью писателям удавалось разложить каждый исторический факт на мелкие составляющие, распутать таящийся в нем клубок противоречий, чтобы затем снова собрать воедино, прошив прочными нитями общей идеи. И так – шаг за шагом, от распада к синтезу, через деконструкцию к реконструкции – приближались писатели в своих творческих поисках к тому главному и сокровенному, что прочно связывает «предания старины глубокой» с бурной, меняющейся на наших глазах современностью. Это главное – образ человека как начала и бесконечности истории.

Поэма «Чингис-хан», написанная известным поэтом и прозаиком, драматургом и публицистом, признанным классиком современной русской литературы Виктором Слипенчуком, занимает особое место в числе произведений о легендарной личности Сотрясателя Вселенной. И занимает его потому, что, быть может, впервые за всю историю многоязычной литературы народов мира главный герой полноценно изображен в ней именно как личность с устоячивыми и ярко выраженными чертами, неповторимой индивидуальной судьбой, через которую раскрывается судьба целой эпохи, а также своеобразностью внешнего и внутреннего облика. Но обо всем по порядку.

Творческая история поэмы берет свое начало в 1964 году, когда Виктор Слипенчук, уроженец дальневосточного села Черниговка, окончил Омский сельскохозяйственный институт и был призван в ряды Советской армии. Волею начальства местом службы вчерашнего студента была определена секретная воинская часть 43064, что размещалась в белорусских Печаях и предназначалась для испытаний новейшей бронетанковой техники. Здесь и родился

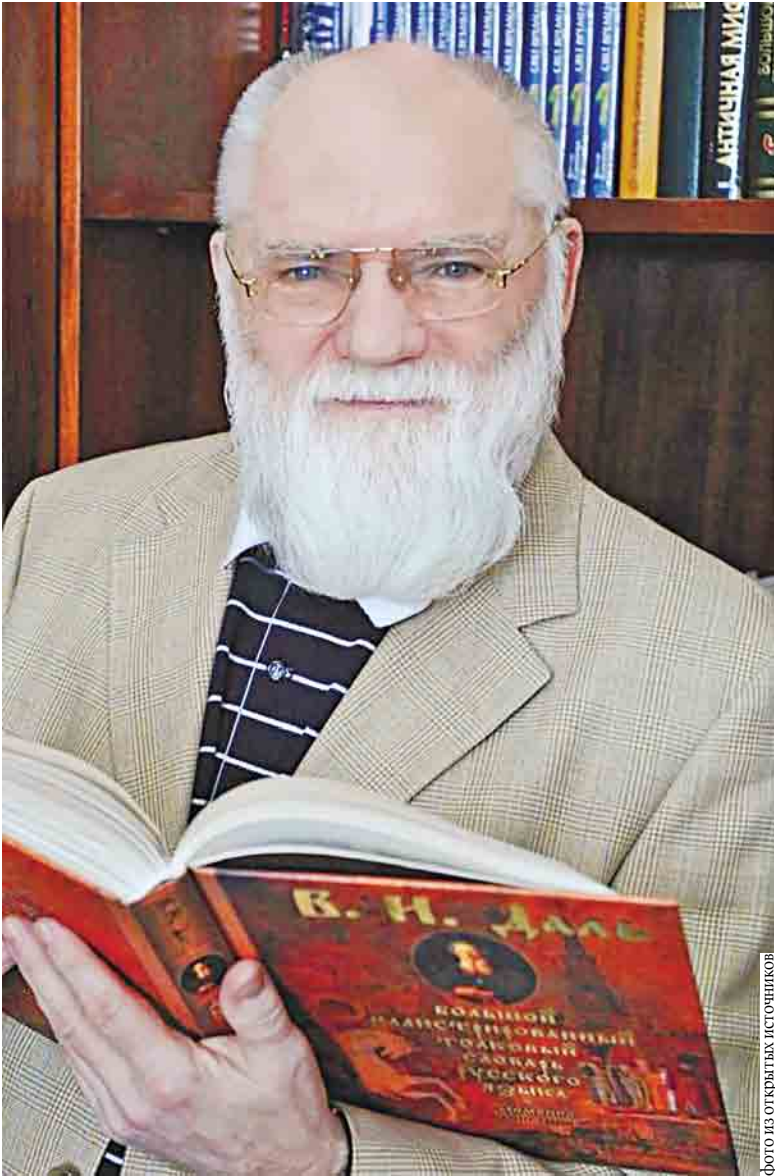
у молодого солдата грандиозный по своему историко-философскому размаху замысел поэмы, сложились ее первые строки, стали яснее вырисовываться эпический образ главного героя во всем масштабе его величия и трагедии. Сам поэт говорит об этом так: «Поэму «Чингис-хан» я написал в армии, в 1964 году, в учебке, в сверхсекретном бронетанковом батальоне, в/ч 43064, а проиллюстрировал ее мой одноклассник, художник 4-й роты Петя Кириллов. Его иллюстрации мне очень понравились, и я всюду их возил с собой, вывешивал на стенах в квартире в Рубцовке и Барнауле. Я думал, Петя станет художником, но он стал полковником. При переездах, довольно частых, линогравюры и поэму сунул непонятно куда и считал утерянными. И вот спустя 47 лет (впервые поэма была опубликована на страницах газеты «Аргументы недели» в декабре 2011 года. – Авт.) неожиданно поэму на них. Поэму поправил (что мог поправить) и решил опубликовать. Видит Бог, что сегодня за эту тему не взялся бы ни за что. Свою смелость тех лет объясняю службой в армии».

Не странно ли: воин-танкист – и вдруг поэма о Чингисхане? Впрочем, подобные вопросы на всем протяжении творческого пути Виктора Слипенчука звучали не раз, став чем-то вроде верстовых столбов, отмеряющих расстояния между его произведениями. Ведь и входил-то поэт в литературу под раздраженные возгласы «Не понимаю!», на которые не скупились ни собратья по перу, считавшие молодого парня отъявленным хулиганом, ни дотошные рецензенты, усматривавшие в смелом гражданском слого его стихов крамольные нападки на устои государства. По этой причине отнюдь не бесосновательными кажутся его опасения насчет невозможности опубликовать поэму «Чингис-хан» сразу же после ее написания.

Центром поэмы является экзистенциальный портрет Чингисхана, который дан автором на широком фоне исторической эпохи

Уж больно не ко времени она бы пришлась, да и переменившихся вкусов ревностных бюстпителей литературного порядка точно бы не удовлетворила. Как признался сам Виктор Трифионович в нашей беседе, состоявшейся на полях выставки Astana Eurasian Book Fair 2025, образ Чингисхана ему бесконечно дорог, и чувствуется это, надо сказать, в каждой строке, в каждом слове поэмы. Но то, что сегодня привлекает наш взгляд, своеобразностью трактовки, смелостью проникновения в историческую материю, художественной полнокровностью и тонким психологизмом, на закате хрущевской оттепели могло вызвать в адрес поэта новый шквал необоснованных упреков.

Конечно, общественно-политическая обстановка была далеко не единственной причиной того, что «Чингис-хан» пришел к читателям с почти полувековой задержкой. Быть может, если бы автор долгое время не считал свое произведение безвозвратно утерянным, наше знакомство с ним состоялось бы гораздо раньше. Но все случилось так, как случилось, и сегодня поэма Виктора Слипенчука приобрела всеобщее признание – она переведена на несколько языков, по ней поставлен радиоспектакль (композитором к нему выступил наш талантливый соотечественник Талгат Хасенов) и снят фильм, который в мае этого года получил награду престижного фестиваля AI Film Awards в номинации «Лучший сверхдлинный фильм с использованием искусственного интеллекта».

Поэму «Чингис-хан» Виктор Слипенчук написал в 1964 году во время службы в армии

«Нужен герой – народу,
а герою – народу...»

Центром поэмы, открывающим, разворачивающим и, в конце концов, замыкающим на себе все повествование, является, без сомнения, экзистенциальный портрет Чингисхана, который дан автором на широком, подвижном и пластичном фоне исторической эпохи. Читатель застает легендарного правителя в период наиболее ожесточенного противоборства его сущностных сил, в моменты мучительно-тягостных раздумий о бренности бытия и будущем мира, о друзьях и врагах, о победах и поражениях, об идеалах и их крушении, о жизни, смерти и посмертной славе. Бережно нанося каждый штрих этого величественного портрета, Виктор Слипенчук остается верен утверждаемому им принципу «человека в человеке», который служит поэту своеобразной призмой гуманистического познания мира. И здесь под словом «мир» можно и нужно понимать в первую очередь человеческую душу – это безбрежное пространство клокочущих противоречий, пребывающее в вечном непокое.

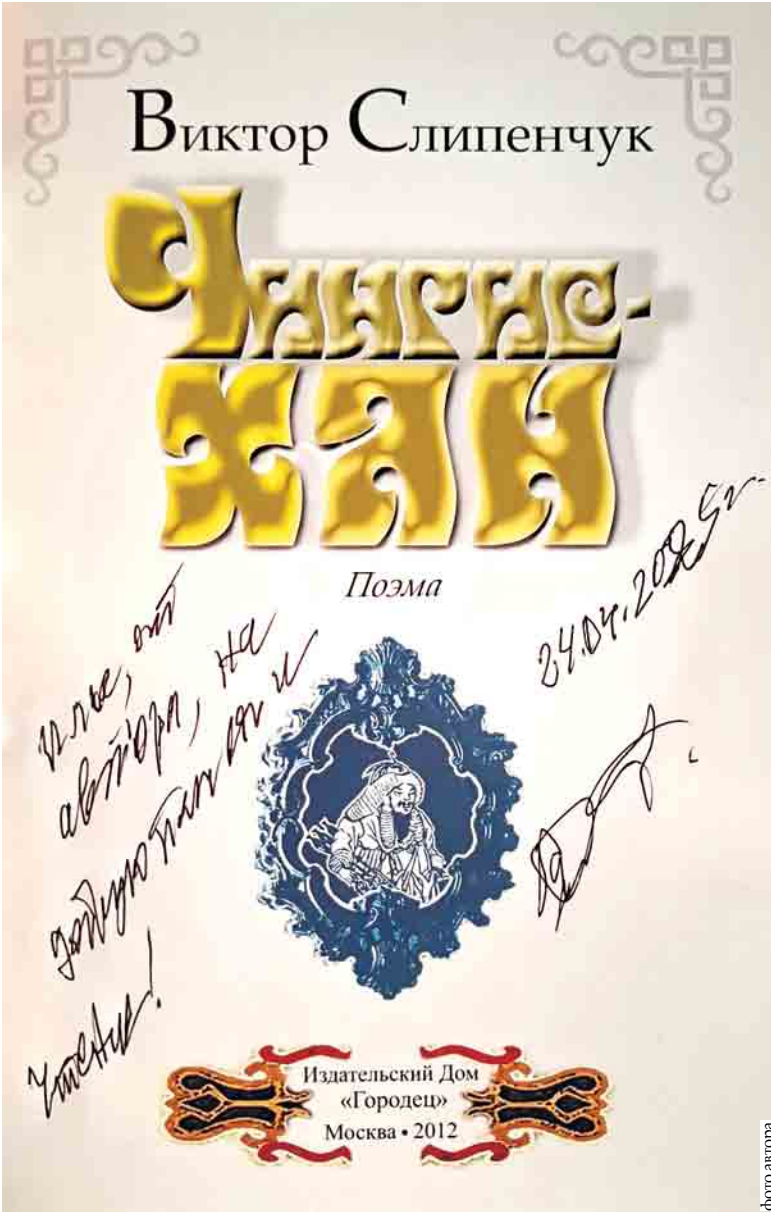
Как известно, первым духовный мир Сотрясателя Вселенной постарался изобразить писатель Василий Ян, справедливо считавший, что Чингисхан-человек, в отличие от Чингисхана-правителя, в литературе так и не показан. Увы, при всей своей значимости созданный писателем образ не смог полностью освободиться от схематичности и должным образом раскрыть драматическую многосложность личностных качеств героя. Вместе с тем влияние трилогии Яна на сюжет и композиционное построение поэмы «Чингис-хан» весьма ощутимо. То соглашаясь, то полемизируя с романистом, Виктор Слипенчук наполняет свое самобытное произведение живительными токами литературных традиций, которые, по известному выражению Татьяны Глушковой, являются «совместью поэзии».

Повествование – то стремительное, как сама река истории, то подчеркнуто размеренное, даже неспешное, при небольшом в общем-то объеме поэмы (182 строфы) – охватывает сразу несколько масштабных исторических событий: осаду Бухары, покорение Хорезма и поход на Тугнутское царство – последний в жизни Чингисхана. О чем бы ни писал Слипенчук, какие бы картины ни разворачивал он перед читателем, везде чувствуется особая динамика создаваемого им

поэтического мира, внутренняя непримиримость к статичности, демократизм, полновесность и многосложность художественного языка. Это ощущается в самых первых строках поэмы:

Все тяжелее быть вождем,
Все тяжелее бремя власти...

Чего в них больше: глубинного личностного конфликта или же онтологических проблем политического лидерства? Согласитесь, такая постановка вопроса подспудно подразумевает противопоставление, а оно здесь едва ли будет уместно, ведь, обращаясь к фигуре Чингисхана, нельзя не затронуть в той или иной форме аспектов его государственной деятельности – без них многие внутриличностные коллизии просто теряют смысл, лишаются своей объемности и трагедийной сущности. Вообще вся ткань поэмы Виктора Слипенчука соткана из череды перемежающихся друг друга категорийных взаимоотношений и переходов. Природный пейзаж, например, в полной мере раскрывается через пейзаж психологический, и наоборот:

Экземпляр с дарственной надписью и автографом поэта

Каган рванулся, среди юрт
Шарахнулся бараний гурт.
Заржали кони, и в тревоге
В зрачках умножилась луна –
Костры взметнулись

над дорогой,
И пробудилась тишина.

Так и разговор, который Чингисхан ведет с видящимися ему духами политических противников – гурхана Джамухи и шамана Кокэчу, оказывается эхом гремевшей в душе Сотрясателя Вселенной борьбы с самим собой. Борьба эта строится вокруг извечного вопроса о том, может ли цель оправдать средства, которыми будет достигнута. «Раздумья Чингисхана о собственном величии, – считает историк Доржи Цыбикдоржиев, – поднимаясь волной, неизменно разбиваются то о рифы осознания своей прямой зависимости от армии и народа, то о рифы бренности земной жизни, с ее болезнями и тщетным желанием бессмертия». В чем же заключается та цель, достижения которой так отчаянно жаждал легендарный правитель? Поэт формулирует ее следующим образом:

Мир и единое царство,
В котором, в основе основ,
Всемирное государство
Его и его сынов.
Всемирное царство – это
Возможность жить без войны.
Народы и вся планета –
Насельцы одной страны.

Во имя этой цели огромное множество дней проведено в военных походах, требовавших стоического самоотречения («Кочевники – не китайцы./Приемлют сырую пищу»). Во имя этой цели брались приступом богатые города и проливалась кровь, каждая капля которой, падая на землю, отзывалась в сознании «вождя вождей» горечью безрадостных мыслей:

И мысли скользкие, как змеи,
Вдруг обжигали, словно плоть:
«Все, чем сегодня я владею,
Преподнесла на блюде смерть...»

Кульминацией поэмы является встреча Чингисхана с даосским монахом Чан-чунем, к учению которого, как сообщают нам исторические источники, создатель могущественнейшей из империй проявлял интерес в последние годы своей жизни. Секрет бессмертия – вот что влечет правителя к китайскому мудрецу, прибывшему в его ставку «на девяти журавлях». Зачем Чингисхан доискивается вечной жизни? Ответ кажется предельно очевидным: ради безграничной власти над миром. Но Виктор Слипенчук во всем своем творчестве

был и остается противником очевидных, назойливо напрашивающихся ответов. Поэтому он вновь погружает читателя в эпицентр борьбы, бушующей в душе кагана. Поэт показывает своего героя таким, каким прежде – в силу сохранявшейся тенденции представлять Чингисхана в образе некой персонафикации абсолютного зла, «агрессора» и «разрушителя» – его еще никто не изображал. Посланник Мэн-ке-Кекке-Тенгри (Вечно Синего Неба), вступивший в схватку с самим собой, мечтает постичь «истинную высшую мудрость», которая позволит утвердить на земле идеалы всемирного сотрудничества, избавить человечество от войн, дать каждому представителю рода людского возможность всецело посвятить себя духовному совершенствованию. Но духи поверженных противников все не умолкают, множа в груди острые боли...

Кем же выходит Чингисхан из схватки: победителем или побежденным? В плоскости этих категорий нам при всем желании не отыскать правильного ответа. Ведь главный итог ожесточенной борьбы – это воцелочение главного героя, в котором и кроется искомое им «лекарство для спасения души». Через страдания и моральную усталость, через разочарование и крушение многих идеалов, прежде казавшихся незыблемыми, через тяжесты заблуждений и трагических ошибок он видит перед собой путь просветления. Именно таким открывается Чингисхан даосскому монаху:

Видел Чан-чунь не хана –
Из-под тяжелых век
Глядел на него забывший,
Издерганный человек.
Сидел перед ним старик,
Обманутый тщеславием.
Но был он во всем велик –
Даже в своем бесславии.

Наиболее сильными в эмоциональном плане являются три финальные главы поэмы, рассказывающие нам о событиях «последней ночи царствования кагана». Душа могущественного правителя наконец находит умиротворение – и усмиряются порожденные ею образы врагов. Последний разговор Чингисхана с некогда враждебными духами носит ярко выраженный исповедальный характер, ведь именно им доверяет он свою предсмертную волю, свою трагедию и славу:

О, если бы мог я, духи,
Вновь бы жизнь повторил!
И побратима Джамуху,
И побратима аньду, простил.
От жизни я брал немного...
Потомок богатырей!
Но много брала дорога,
Дорога Царя-Царей.

Потомки будут смотреть на Чингисхана прежде всего как на человека, и в их памяти обретет он подлинное бессмертие – такова художественная гипотеза Виктора Слипенчука. Сегодня все предугаданное поэтом стало объективной реальностью. Неуклонно растет общественный интерес к эпохе Чингисхана, личность которого мы все полнее и полнее раскрываем в перелетании драматических конфликтов. И хотя в распоряжении современных читателей информации о том времени имеется намного больше, чем 50 лет назад, поэма «Чингис-хан» ничуть не утратила своей исторической значимости, сверкая неподдельным блеском яркого художественного открытия.

Завершая, хочется вспомнить, как жадно вслушивались астанинские школьники в спокойный, глубокий голос поэта, когда он читал отрывки из своего произведения. Перед их взглядом растаились бескрайние степи, по которым шли войска Чингисхана, и слава тех далеких лет вставала во всем своем величии. Сближая историю с современностью, Виктор Слипенчук следует «святому делу сохранения и защиты кочевой цивилизации», за что по праву окружен любовью и признанием читателей.